

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН И ПРОТИВОПРАВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Споры в теории права о том, обладает ли уголовное право регулятивной функцией, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Особенно ярко это проявляется при решении вопроса о том, является ли преступлением действия, посягающие на отношения, которые не регламентируются и не могут быть регламентированы нормами иных отраслей права.

Согласно п. 23 постановления от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» ответственность за хищение наркотических средств или психотропных веществ наступает при их противоправном изъятии у юридических и физических лиц, владеющих ими законно или незаконно, в том числе и путем сбора наркотикосодержащих растений с земельных участков граждан, на которых незаконно выращивают эти растения.

Аналогичное положение содержит и п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», о том, что ответственность по статье 226 УК РФ наступает в случаях хищения огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств как из государственных или иных предприятий или организаций, так и у отдельных граждан, владевших ими правомерно либо незаконно.

В соответствии с п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» как мошенничество следует квалифицировать действия должностного лица, получившего ценности за совершение действий (бездействия), которые в действительности оно не может осуществить ввиду отсутствия служебных полномочий и невозможности использовать свое служебное положение, а также получившего от кого-либо ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки, и, не намереваясь этого делать, присвоившего их.

По мнению И.В. Шишко, в подобных случаях нет объекта мошенничества – правоотношений, т.е. общественных отношений, возникающих на основе регулятивных норм права (противоречащие им отношения УК РФ не охраняет), Использование собственником принадлежащего ему имущества вопреки закону противоречит п. 2 ст. 209 ГК РФ. Квалификация указанных действий по ст. 159 УК РФ основана на социалистическом представлении об опасности незаконного обогащения, с чем справляется ст. 169 ГК РФ, признающая ничтожность сделки, совершенной с целью, заведомо противоправной основам правопорядка или нравственности [9].

Соответственно, как считает С.А. Елисеев, не является хищением неправомерное завладение имуществом, которое было похищено. Если субъект знал, что применяя насилие, завладевает имуществом, полученным преступным путем, его действия следует квалифицировать как преступление против жизни или здоровья, так как объект уголовно-правовой охраны – это только такие отношения, в упрочении и развитии которых заинтересовано общество. Если виновный не знал этого, то – как покушение на хищение [3].

Так из обвинения в отношении С. и О. было исключено вымогательство (п. «а» ч. 2 ст. 163 УК РФ). С. и О., зная о совершенном Б. и Р. разбойном нападении, потребовали 6 000 долларов США, угрожая в случае отказа сообщить о совершенном ими преступлении. Опасаясь разоблачения, Р. и Б. отдали требуемую сумму. Как указано в постановлении президиума Верховного Суда РФ от 21 марта 2001 г. № 1039п2000 угрозу разглашения сведений о действительно совершенном преступлении нельзя признать обстоятельством, существенно нарушающим права либо причиняющим вред законным интересам Б. и Р.

Представляется, что это решение необоснованно, подобные случаи распространены и не признание их преступными приведет к значительному увеличению требований передачи имущества под угрозой распространения сведений о совершенных правонарушениях, когда имущественные права потерпевшего будут незащищены, несмотря на противоправность совершенного им поступка [5]. Согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» под сведениями, позорящими потерпевшего или его близких, следует понимать сведения, порочащие их честь, достоинство или подрывающие репутацию (например, данные о совершении правонарушения, аморального поступка). При этом не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, под угрозой распространения которых совершается вымогательство. Представляется, что из диспозиции ст. 163 УК РФ следует исключить указание на нарушение прав и законных интересов, как это было сделано в диспозиции ст. 137 УК РФ, первоначально предусматривавшей причинение вреда правоохраняемым интересам граждан, что порождало проблемы при квалификации. Так, С., будучи матерью-одиночкой, чтобы содержать себя и своего трехлетнего сына, занималась проституцией. Затем она вышла замуж, но продолжала заниматься тем же, поскольку семье не хватало денег. Ее сутенер П. рассказал её мужу, чем занимается С., в отместку за то, что она «работала» не по полной «программе». Поэтому С. пыталась повеситься. По мнению А.Н. Красикова, который приводит этот пример, учитывая, что проституция в России хотя и не преступление, а административное правонарушение, разглашение сведений о занятии проституцией не нарушает законных интересов граждан [6]. Однако из-за общественной опасности такие действия следует признавать преступными. В настоящее время указанное преступление окончено с момента разглашения сведений.

Как хищение следует квалифицировать неправомерное завладение имуществом, которым лицо обладало незаконно [2]. Так приговором от 29 июня 2010 г. №1-27/2016. Верховоужского районного суда Вологодской области М. осужден по ч.3. ст.226 УК РФ за хищение охотничьего ружья, который потерпевший хранил незаконно.

Несмотря на то, что завладение имуществом, которое уже похитили или обладали незаконно, не причиняет ущерб собственнику или владельцу, он общественно опасно из-за его распространенности и нарушает запрет «не брать чужое» [1]. Поэтому в теории обоснованно предложено исключить из понятия хищения после формулировки «причинение ущерба» указание на собственника или иного владельца [7]. Законодательное закрепление объектом уголовно-правовой охраны не только отношений собственности, подразумевающих правомерность владения,

а всех имущественных отношений позволит признавать преступным неправомерное изъятие имущества у лица, похитившего его или владевшего им незаконно.

В п. «г» ч.2 ст.105 УК РФ предусмотрена ответственность за убийство по мотивам ненависти или вражды в отношении какой либо социальной группы, содержание которой не раскрывается. А. Хлебушкин полагает, что эти группы должны быть социально конструктивными: сотрудники МВД, представители политической партии. Поэтому к ним нельзя относить группы «проституток», «наркоманов», представителей молодежных субкультур «эмо», «готы». При убийстве граждан «не адаптированных к жизни в гражданском обществе», указанный квалифицирующий признак вменять нельзя, поскольку эта группа людей характеризуется асоциальным поведением(8). Однако уголовный закон охраняет толерантность по отношению к представителям любых социальных групп, вне зависимости от направленности их деятельности и её морально-нравственной оценки [4]. Так Верховный Суд РФ определением от 1 апреля 2009 г. №10-О09-6 отнес к членам социальной группы лиц, не адаптированных к жизни в гражданском обществе.

Таким образом, уголовное право имеет свой предмет регулирования, в который входят и отношения, противоречащие регулятивным отраслям права. Это обусловлено тем, что уголовное право определяет предмет регулирования, посредством установления наказуемости действий, исходя из их общественной опасности.

Библиографические ссылки

1. Архипов А. В. Квалификация мошенничества по уголовному законодательству России. М., 2020. С.60.
2. Быкова Е., Казаков А. Процессуальный статус лица, из незаконного владения которого противоправно изъято имущество // Уголовное право. 2019. № 3. С. 110.
3. Елисеев С. «Хищение похищенного»: проблемы квалификации // Уголовное право. 2008. № 1. С. 48—49.
4. Карабанова Е. Н. Квалификация многообъектных преступлений по признаку специального статуса потерпевшего // Российский следователь. 2018. № 9. С. 39.
5. Карпов К. Н. Квалификация вымогательства при угрозе распространения сведений о совершенном лицом правонарушении либо аморальном поступке // Современное право. 2018. № 5.
6. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 3. Преступления против личности / под ред. проф. А.И. Коробеева. Владивосток, 2000. С. 424—425.
7. Скляр С. В. Понятие хищения в уголовном законодательстве России: теоретический анализ // Государство и право. 1997. № 9. С. 66.
8. Хлебушкин А. Установление социальной группы при квалификации преступлений экстремисткой направленности: теория, судебная практика // Уголовное право. 2013. № 6. С.76—80.
9. Шишко И. В. Экономические правонарушения: вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. С. 185—188.